

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА	9
1.1 Целостность городской среды и социальные процессы	9
1.2. Процесс как инструмент описания реальности.....	15
1.3. Классы социальных процессов	18
ГЛАВА 2. ИНТЕГРАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	24
2.1. Понятие интеграции	24
2.2. Городская среда – условие и результат интеграции.....	26
2.3. Интеграция центральной и периферийной зон г. Новосибирска	30
2.4. Интеграция – механизм эволюции каркасного узла.....	38
2.5. Интегративная роль многофункциональных комплексов в развитии каркасных узлов	42
ГЛАВА 3. ПАРТИСИПАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ.....	50
3.1. Партиципация и явление транспарентности.....	50
3.2. Зачем нужна прозрачность?	53
3.3. Гражданское общество как условие партиципации	55
3.4. Партиципация в многофункциональных центрах.....	60
3.5. Требования интегративной деятельности к организации функционально-планировочной структуры здания	64
3.6. Соответствие пространственных характеристик существующих МФЦ и технологических требований	68
ГЛАВА 4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ.....	72
4.1. Формирование понятия «социокультурная самоидентификация».	72
4.2. Социокультурная самоидентификация в музее	77
4.3. Особенности функционально-планировочной структуры зданий мемориальных музеев Санкт-Петербурга.....	85
4.4. Особенности функционально-планировочной структуры зданий мемориальных музеев Новосибирска.....	90
4.5. Городская идентичность	95
ГЛАВА 5. ВОСПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ.....	100
5.1. Понятие о воспроизводстве культуры	100
5.2. Воспроизводство культуры в кинокомплексах	106
5.3. Особенности функционально-планировочной структуры кинокомплексов Санкт-Петербурга.....	120
5.4. Особенности функционально-планировочной структуры кинокомплексов Новосибирска	128

Глава 6. ПРОЦЕСС ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕНТРЫ ЗДОРОВЬЯ	132
6.1. Формирование понятия «здоровьесбережение»	132
6.2. Игровая здоровьесберегающая среда в дошкольных учреждениях ...	136
6.3. Технология здоровьесбережения и требования к пространству	141
6.4. Здоровьесбережение в современных зарубежных дошкольных учреждениях.....	145
6.5. Здоровьесбережение в детских учреждениях г. Новосибирска	151
ГЛАВА 7. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	157
7.1. Становление художественного образования как элемента городской среды	157
7.2. Полихудожественное образование в общеобразовательных школах	163
7.3. Художественное образование в московском Центре образования № 686.....	173
7.4. Художественное образование в московской школе № 123	175
7.5. Художественное образование в новосибирской школе № 90	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

В 1970-е гг. в Москве и в других крупных городах было отмечено появление большого количества разных дискуссионных площадок, которые собирали ученых, преподавателей, аспирантов, проектировщиков. Там были и серьезные, имеющие авторитет ученые, и «птенцы» от науки. Интерес к семинарам был огромный из-за захватывающих дискуссий, в которых можно было услышать и увидеть представителей интеллектуальной и научной элиты. Возможно, это была одна из форм складывающегося в те времена межпрофессионального сообщества, без которого невозможно представить развитие любой профессиональной сферы.

На одном из таких семинаров в Москве выступили два ленинградских архитектора Г. Каганов и А. Степанов. Их выступление было завораживающим откровением, которое содержало как смелую новизну, так и то, с чем нельзя было не согласиться. В отличие от доминирующего тогда механистически-нормативного представления о городе как месте, где реализуются три основные функции: труд, быт, отдых, они обсуждали город как огромный мир возможностей, как пространство, где словно «проигрывается» необъятное число программ и сценариев, в каждом из которых зритель и актер свободно обмениваются ролями. Город по их мнению – это не только окно в мир возможного, но и действительное богатство выбора. Выступление архитекторов было признано рождением средового подхода. Никто из семинаристов не знал, что с этим делать, но все понимали, что такой взгляд на город обещает много новых исследований и неожиданных открытий.

Неоспоримая таинственность вновь выявленного феномена достойна была привлечь внимание и тех, кто изучал город, равно как и тех, кто его проектировал. Так или иначе, средовой подход к городу стал фокусировать внимание разных исследователей, в 1984 г. В. Глазычев в монографии «Социально-экологическая интерпретация городской среды», анализируя результаты проведенных исследований и других практик, сгруппировал представленные к этому времени взгляды на городскую среду в четыре укрупненных подхода: *естественнонаучный, социотехнический, социокультурный и методологический*. **Первый** охватывает любые специальные виды деятельности, где внешний по отношению к наблюдателю объект исследуется объективным образом. Ключевой категорией для первого подхода выступает истинность. **Второй** подход оказывается общим для всех видов операций, благодаря которым объект должен быть воплощен согласно воле автора, в соответствии с накопленным им знанием и умением: характерным примером этого подхода служит архитектурное и инженерное проектирование, результатом которого являются все постройки города и все его технические сооружения. Говорить здесь об истинности не приходится, потому что ключевой категорией подхода выступает реалистичность проекта. **Третий** подход охватывает область более или менее рафинированной оценки окружающего мира. В рамках этого подхода город оценивается как комфортный и неудобный, прекрасный и безобразный, скучный и завлекающий. Устремления апологетов такого подхода направлены не столько

к подлинно научному знанию, сколько к эстетической или этической игре. Это было подспорьем в понимании того, как формируется определённое общественное мнение. **Четвёртый** подход предполагает внешнюю позицию по отношению к любому из перечисленных трех подходов, поскольку ключевой категорией является методология или система методов. Чтобы правильно понять и оценить результаты исследований вообще и, в частности, городской среды – пусть самые специальные, необходимо уметь распознать весь арсенал способов и техник работы, выделить проблемы, цели и задачи, чтобы выработать отношение к результатам исследования.

Какова бы ни была исследовательская направленность в любом из этих подходов, будь то формирование области языковых средств (Кр. Александер), или разработка концепции восприятия, «городской ландшафт» (Дж. Саймондс, Е. Беляева), или «когнитивная карта города» (К. Линч), «символы городского пространства» (К. Танге), или представление о городской среде как инструменте стратегического планирования (И. Г. Майзлер), построение системной концепции города (И. Г. Майзлер, М. М. Щербинин, Е. Г. Зудов, Г. А. Коряков, А. Н. Гессе) и др. – во всех типах исследований ценностным ориентиром всегда был город, спонтанно сформированный сменой стилей, городских событий, социальными сдвигами. Средовой подход предполагает видение города как разностилевого и многослойного образования.

Полноправное существование разных исследовательских траекторий отразило два важных обстоятельства. Во-первых, редко кто решался утверждать, что ценность исследования городской среды или в городской среде измеряется тем, насколько оно может быть практически использовано. История научила нас, что самые абстрактные на первый взгляд результаты научных исследований в один прекрасный день могут оказаться удивительно полезными для практики. Во-вторых, осторожные, но разнообразные попытки описать городскую среду с разных позиций были свидетельством того, что городская средология – область знания, не только находящаяся в развитии, но в некотором смысле переживающая свое «детство», как и все дисциплины, связанные с обществом, с людьми, без которых городской среды быть не может.

Понятие «городская среда» и его разные модификации в последнее время стали очень распространенными и приобрели значение ключевых. Исследованием проблем среды занимаются многие науки, в том числе урбанография, география (разные ее ветви – медицинская, физическая, рекреационная), социология, психология и др. Сложности явления соответствует и многоаспектность исследований.

Появился понятийный аппарат, который содержит устоявшиеся понятия, такие как архитектура городской среды, городской ландшафт, социально-функциональные зоны, зоны приватного самочувствия, локусы личностного бытия, информационная среда города, локусы пространства городской жизни, поведенческие модели горожан, городские сообщества, семантическая структура городских сообществ, городской менталитет, архетип города, хронотоп города, аттрактор города, городская ситуация.

Данные, которые стали известными в последние годы, стали для многих открытием. Однако чем больше исследований городской среды мы наблюдаем, тем больше интригующих вопросов появляется. Например, в чем состоят механизмы изменчивости городской среды? Ведь город – не просто совокупность функций и разных объектов, расположенных на определенной территории. Город – это вмещилище таких мест, с которыми у каждого жителя складывается свой порядок отношений. Эти места составляют последовательные цепочки, отдельные сгустки или целые созвездия, которые меняют этих людей и меняются вместе с ними. И тогда каким образом можно зафиксировать и этот порядок отношений, и изменения, которые происходят и в предметной, и в социальной составляющих городской среды?

Если внимательно присмотреться к этой сложно устроенной городской среде и попробовать увидеть эти места, то можно разглядеть не просто здания и сооружения, а расположенные в них разного рода учреждения, в которых и проходит значительная часть жизни большинства жителей города. Это музеи и выставочные салоны, кинотеатры и концертные залы, офисы и учебные заведения, многофункциональные комплексы и специализированные магазины – всего более 900 разновидностей общественных учреждений. А эти учреждения, устроенные по законам архитектуры, соответствуют технологии тех жизненных процессов, для которых они предназначены. Если обратиться к документам, определяющим сценарии проживания в этих учреждениях, которые действовали до 1990-х гг., и изучить их с точки зрения соответствия их функциональному назначению, то окажется, что рекомендуемые функциональные схемы основаны были на очень простых базовых функциях. При этом рекомендации не предусматривали возможного разнообразия сценариев, индивидуального отношения к оказываемым услугам, разнообразия целей, замыслов посетителей. Расчет был на среднестатистического пользователя.

Однако жизнь оказывалась всегда богаче предписаний. Поэтому судьба каждого общественного учреждения каждый раз разворачивалась по своему сценарию. Назначение того или иного общественного учреждения часто понималось гораздо шире, чем это заложено было в предписании, а значит, и в проекте. Так, в библиотеках, предназначенных для хранения фондов, их обработки и работы с читателями, проводилось много мероприятий, выходящих за рамки собственно библиотечного дела (лекции, встречи, семейные вечера, концерты); в кинотеатрах проводились сеансы кинотерапии и организовывались образовательные площадки; в общеобразовательных школах создавались оркестры и театральные коллективы и т. д. Становилось очевидным, что деятельность, осуществляемая в общественных зданиях, заставляла приспособлять существующие помещения под то, что не было предусмотрено рекомендованными функциональными схемами.

Возникновение новых социальных процессов и явлений, появление новых заказчиков и инвесторов принципиально изменили отношение к общественным зданиям как элементам городской среды. Сама городская среда с ее жителями стала активным участником процесса преобразования общественных учрежде-

ний. Стало понятно, что городские процессы, которые стали определять жизнь того или иного общественного учреждения, нельзя «проектировать», ими нельзя руководить, их невозможно подчинить единому замыслу. При этом эти процессы можно и нужно исследовать, чтобы способствовать развитию учреждений, которые, в свою очередь, определяют развитие городской среды.

Книга содержит результаты многолетних исследований, посвященных анализу разворачивания разных социальных процессов в разного рода общественных учреждениях, установлению соответствия между технологией деятельности, осуществляемой в них, требованиями этой технологии к организации необходимых функциональных мест и их функционально-планировочными характеристиками. Главная цель исследования состояла в выявлении технологических особенностей разворачивания социальных процессов и функционально-планировочных условий их осуществления.

В задачи исследования входили: 1) выявление технологических требований к организации социального процесса; 2) определение функционально-пространственных условий для осуществления процесса; 3) анализ практики организации процессуальных сценариев в разных типах общественных зданий.

Книга объединяет результаты исследований, выполненных в рамках подготовки магистерских диссертаций, материалы которых положены в основу отдельных глав: В. А. Алтарева (глава 2), А. Ю. Сыркиной (глава 3), О. А. Чумичевой (глава 4), К. В. Болохонова (глава 5), Е. И. Деревянко (глава 6), М. К. Помазной (глава 7).

Хочется искренне поблагодарить наших добрых друзей и коллег, принимавших участие в обсуждении проблем, вынесенных в монографию, – кандидатов архитектуры И. В. Швецову и К. Н. Кузьмину, старшего преподавателя И. В. Поповского, магистрантов, в работе с которыми складывалась монография. Особая благодарность В. А. Маркову за подготовку графического оформления книги.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

1.1. Целостность городской среды и социальные процессы

По мнению непревзойденного и, безусловно, самого именитого исследователя городской среды В. Л. Глазычева, «амбивалентность, неуловимость, текучесть городской среды представляют собой ее органические качества, поэтому профессионально работать с предметом, обладающим именно такими качествами, может только искусство. Осмыслять такую работу в умеренно строгих формах – это доступно только искусствоведению, стремящемуся к точности без формальной строгости» [25].

Тем не менее определение, сформулированное В. Л. Глазычевым, согласно которому *городская среда представляет собой «соотнесённость, сопряжённость или взаимосвязанность предметно-пространственного окружения к происходящим в нём межчеловеческим взаимодействиям»* [26], стало очень популярным среди исследователей, потому что предполагает много разных аспектов ее рассмотрения. Действительно, в рамках такого видения городской среды оказались уместными исследование и глубинной сущности города, и города как места сосредоточения больших масс людей, и как функционального образования, играющего важную роль в жизни и развитии общества, и его территориальной организации как важной составляющей части городского потенциала, благодаря которому он выполняет свою историческую миссию, и как совокупности многочисленных и разнообразных каналов массовых коммуникаций, форм и способов общения людей, их подключения к источникам разнообразной информации, и как пространства нарастающего разнообразия мест приложения труда и способов проведения свободного времени, что является условием для свободы выбора.

В последние два-три десятилетия стали известными десятки исследований городской среды, осуществляемых самыми разными специалистами, в самых разных направлениях. При этом, каков бы ни был предмет исследования, в какой бы материал ни погружались ученые, ни у кого не вызывало сомнения, что главным фундаментальным свойством городской среды является ее **целостность**.

«Целостность» относится к понятиям, которые, на первый взгляд, имеют достаточно простую трактовку. При этом неоспоримо и признание его сложности и многогранности. Понятие применяется в совершенно разных сферах деятельности, и, в зависимости от того в каком контексте оно употребляется, объясняется его смысл. Это слово часто встречается в повседневной жизни, но мало кто может дать ему четкое определение. Согласно толковому словарю, целостность – это «общая характеристика предметов или объектов, которые обладают сложной внутренней структурой, олицетворяющая автономность, самодостаточность, а также интегрированность определенных объектов» [114]. Такая трактовка указывает на многокомпонентность характеризуемого объекта, который в сущностных проявлениях, в своих реакциях ведёт себя как целесооб-

разно организованный механизм, части которого функционируют сообща, образуя «замкнутое и самодостаточное» целое.

Таким объектом может быть любая биологическая единица (как клетка, так и человек), государство или любое сообщество, город или любое поселение, программное обеспечение или художественное произведение и т. д. Очевидно, что слово «целостность» – это производное от «целого» или «единого». Часто мы употребляем его для того, чтобы охарактеризовать нечто отдельное, что полностью сформировалось и стало самодостаточным.

Иное толкование целостности используют психологи. Для них целостность – свойство восприятия, состоящее в том, что всякий объект, а тем более пространственная предметная среда, воспринимаются человеком как устойчивое целое, даже если его некоторые части в данный момент нельзя наблюдать (например, тыльная часть вещи): актуально не воспринимаемые признаки все же оказываются интегрированными в целостный образ этого объекта [17]. Проблема целостности восприятия впервые была экспериментально исследована представителями гештальтпсихологии. Для них целостность выступала как изначальное свойство восприятия, определяемое законами сознания.

Отечественная психология рассматривает целостность восприятия как отражение целостности, присущей воспринимаемому. Целостный образ складывается на основе обобщения получаемой в виде различных ощущений информации об отдельных свойствах и качествах предмета. Мы не воспринимаем отдельно: глаза, уши, рот, нос человека, перчатки, пальто, галстук, шапку, брюки, ботинки, шнурки и т. д., а также голос человека и его запах. Для нас всё это объединяется в один целостный образ человека. При этом образ получается многослойным: мы воспринимаем не голову, приставленную сверху к рубашке или платью, но рубашку или платье, надетые на человеческое тело, хотя самого этого тела не видим. На целостное восприятие большое влияние оказывает опыт предыдущих наблюдений и то, как человек жил до этого, каков склад его личности. Например, хореограф замечает особенности рук и ног воспринимаемых людей гораздо чаще, чем люди других профессий. Эту зависимость психологи называют апперцепцией.

При изучении результатов разных исследований городской среды появилось предположение, что все их можно поделить на две группы. Одна группа содержит в себе труды, в основе которых лежат *особенности восприятия городской среды*, в другую группу входят исследования целостности как *свойства самой среды*, как ее объективной характеристики.

В центре первой группы лежит всем хорошо известная работа Кевина Линча «Образ города», в которой рассматриваются визуальные качества американских городов и исследуется тот мысленный образ города, который сложился у его жителей. Особое внимание Линч сосредотачивает на одном визуальном качестве – очевидной читаемости городского ландшафта. Читаемым городом он называет такой, в котором районы, ориентиры или пути легко определяются и легко группируются в целостную картину. Легко читаемая среда не только несет с собой чувство защищенности, но и углубляет, «повышает интенсивность

человеческого опыта». Потенциально город сам по себе – символ сложности общества, и, если зрительно он хорошо организован, этот символ приобретает повышенную выразительность. Исследование оставляет в стороне индивидуальные различия, сколь бы они ни были любопытны. Интерес составляют, прежде всего, «общественные образы», картины, принадлежащие множеству обитателей города, – своего рода «зоны согласия, возникающие во взаимодействии общей материальной реальности, общей культуры и физиологической общности» [56].

Линч отмечает, что способы ориентации людей в городе широко варьируются, меняясь от культуры к культуре, от ландшафта к ландшафту, поэтому городская среда может быть упорядочена своей системой ключевых точек или расчленением на районы с собственными названиями и пронизана закрепленными в памяти маршрутами. Однако, сколь бы ни различались способы упорядочения, сколь бы ни казалось бесконечным число потенциальных «ключей», с помощью которых можно расчленять видимый мир, все они указывают на единство средств, которые люди используют для определения своего местонахождения в городском мире. Действительно, какие бы примеры мы ни взяли, большинство из них будет так или иначе соответствовать абстрактным типам элементов образа города: путь, ориентир, граница, узел, район.

Среди исследований городской среды с точки зрения формирования ее образа у горожан, то есть входящих в эту же группу, выделяются труды Г. З. Каганова. Он утверждает, что полное описание и адекватное моделирование среды невозможно без учета субъективных факторов – мнений, представлений, оценок, в виде которых среда отображается в сознании горожан. Изучение субъективных факторов, в свою очередь, показало, что они существуют не разрозненно, а непременно группируются вокруг некоего центрального ядра, всегда наполненного важным для горожан смыслом и имеющего определенную эмоциональную окраску. Такое центральное ядро есть в представлениях и каждого отдельного горожанина, и разных – малых и больших – групп горожан. Такое ядро, в котором неразделимо слиты смысловые и эмоциональные компоненты, и является образом среды. Каганов выделяет два полярно противоположных образа городской среды: с одной стороны, тот, что возникает в обычном массовом сознании рядовых горожан, ориентированных на процесс нормального обитания в городской среде; с другой стороны – тот, что живет в воображении художников, ориентированных на создание произведений искусства. По мнению Каганова, корни «обывательского» образа среды уходят в подсознание людей и обнаруживают связь с глубинными и устойчивыми основами культуры, с ее базовыми архетипами, хотя, вместе с тем, на «обывательский» образ может в большей или меньшей степени влиять текущее состояние художественной культуры; художественный образ среды принадлежит художественной культуре и вместе с нею проходит все сменяющие друг друга фазы ее развития, причем каждая фаза формирует свой образ обитаемой среды [43]. При всей своей структурной противоположности «обывательский» и художественный образы среды могут «работать» только вместе и только вместе способны

создать истинный «стереоскопический» образ городской среды, характерный для каждой конкретной стадии развития городской культуры [44].

Исследования целостности как свойства самой городской среды, как ее объективной характеристики начинаются с построения социально-функционального подхода к исследованию и проектированию городской структуры, основателем которого считают Л. Б. Когана. Он рассматривал город как вполне определенный *тип организации совместной жизни людей*, объединенных не столько местом их проживания, сколько способами взаимодействия, которые определяет идея свободы выбора [103].

Что представляет собой целостность «социального» и «пространственного»? В свое время в фантастических рассказах мы читали о мертвых, то есть пустых городах. Это были бывшие города, населенные когда-то людьми, покинувшими их или исчезнувшими вовсе в результате катастрофы. Теперь мы видим такое в документальных фильмах о последствиях чернобыльских событий. Стоят дома, в квартирах которых мебель, кухонная утварь и другие приспособления для жизни. Но жизни нет потому, что нет людей. Предметное пространство есть – социального нет.

Как нельзя представить себе городское пространство без людей, так нельзя увидеть людей без предметного окружения. Попытки представить сообщество без предметной среды упираются в воспоминания о кочующих племенах, перемещающихся в поисках земли, которую можно было бы приспособить для жизни. Они оснащены элементарными предметами и организованы в той степени, которая позволяет им не умереть с голода и от болезней. Городом назвать это невозможно.

Таким образом, одна составляющая городской среды невозможна без другой и разделять их мы можем только тогда, когда беремся проанализировать, изучить, сравнить, понять то, что происходит вокруг нас, то, что необходимо нам знать для принятия решения и совершения какого-либо действия в семье, на работе, в учебной группе. Помогает легко в этом убедиться то обстоятельство, что изучением этих составляющих занимаются разные специалисты (социальную составляющую изучают социологи, предметную – архитекторы и дизайнеры), принимают решения по поводу изменений в городе разные департаменты и ведомства.

Сказать о том, что составляющие взаимно пересекаются, взаимодействуют, находятся в зависимости друг от друга – это значит мало прояснить вопрос. Важно понять, каким **образом они связаны**.

Л. Б. Коган впервые описал динамику городской структуры на двух временных уровнях – на уровне крупнейшего города в зависимости от степени зрелости его среды и на уровне вновь возникающего нового городского образования, на первых этапах (или стадиях) развития городских структур. Описывая взаимодействие центра и периферии на первой стадии, он употреблял в качестве метафоры кипящий котел, из которого вылетают брызги и оседают на соседних с котлом площадках. На этой стадии вместе с активным формированием новых крупных массивов на удаленной периферии образуются

централизованные пространства. Одновременно с этим постепенно укрепляется и ближайшая к центру периферийная зона [103, с. 138–141].

По мере дальнейшего развития периферии ее взаимодействие с центром становится более сложным. Из отдельных образований на удаленной части периферии создается единая зона с общими функционально-пространственными характеристиками, формирующая свое давление на центр города. На этой стадии в центре усиливается процесс дифференциации, выделения новых элементов застройки и пространства. Интенсификация и усложнение взаимодействия центра и периферии города стимулирует образование структуры зоны ближайшей периферии, постепенно выявляет и укрепляет ее роль в общем развитии городского организма. Теперь уже фиксируются не только «кипящие брызги», а «растекание кипящей массы» – ближайшая периферия преобразуется в срединную зону. В этой зоне все более быстрыми темпами идет формирование новой застройки, насыпающей значительной долей общегородских специализированных, в первую очередь торгово-бытовых функций. В самом же центре происходит кристаллизация функций собственно центрального ядра.

Уточнение и расшифровку основных тезисов произвели его ученики Е. Л. Левченко, исследовавшая особенности функционально-пространственного развития периферийных районов крупнейшего города с расчлененной структурой [54], и С. Е. Бегеза, раскрывший взаимосвязь внутригородской динамики социально-пространственных элементов и развития процесса агломерирования [12]. Ими отмечено, что ключевое значение в развитии того или иного элемента городской среды имеет его связь через все городское пространство с общегородским центром.

Особняком стоят, хотя и относятся к этой группе, исследования идентификации целостности морфологии городского центра. Ядро исследования включает определение тех предметно-пространственных маркеров, которые формируют семантику целостности [12]. Пространственную целостность связывают с социальной микрогеографией [73] или описывают, используя ментальные карты [20, 114]. Проверяется гипотеза о том, что семантика целостности морфологии городского центра обусловлена, прежде всего, качеством предметной среды на микроуровне, а лишь затем – стилистикой застройки и её планировочной организацией. Архитектурно-градостроительная морфология городского центра рассматривается в виде целостного явления, имеющего топологическую локализацию, структуру текста и семантику. Предпринята попытка раскрыть сущность целостности как системной характеристики в предметно-архитектурном ракурсе, показать виды её проявления на различных примерах [23].

Мы полагаем, что есть еще один подход в описании целостности городской среды, в основе которого лежит деятельность. «**Деятельность** – это специфически человеческая активность, регулируемая сознанием, порожаемая потребностями и целенаправленная на **познание и преобразование внешнего мира и самого человека**» [66]. Деятельность всегда связана с целью. *Цель – это образ желаемого результата, то есть того результата, который должен*

быть достигнут в ходе выполнения деятельности. Цель – это осознанный образ результата, который удерживается в сознании до тех пор, пока осуществляется действие. Отсюда цель можно определить как осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлена деятельность человека. Цель всегда существует в некоторой предметной ситуации.

Предметная среда – то, что создано и создается людьми для своего жизнеобеспечения, то есть для того, чтобы основные сферы его существования развивались в относительно комфортных условиях. Значит, способом соединения социальной и предметной составляющих является деятельность. Любой город живёт и развивается исключительно благодаря усилиям людей, благодаря великому множеству направленных и социально оправданных актов, которые, складывая в определенную последовательность, можно описать в виде процесса.

При этом необходимо помнить, что «процесс» – это *мыслительная конструкция*, то есть специальный исследовательский инструмент (такой же, как «система», «структура», «художественный стиль»), который был изобретен для того, чтобы описать так сложно устроенную и так многообразно проявляющуюся реальность. Этот исследовательский инструмент подобно микроскопу, телескопу и любому аналогичному устройству позволяет увидеть в реальности то, что не видно невооруженным взглядом. Ведь процесс не увидишь воочию, хотя можно увидеть, как возводятся стены строящегося дома, как распускаются листья на дереве, как тает снег на дорогах. Такие наблюдения действительно фиксируют изменения реальности, но они могут быть уложены в процесс только в том случае, если описание изменений состояния одного и того же объекта сопровождается объяснением причин и условий, при которых эти изменения происходят.

Отсюда вывод – повседневные изменения, происходящие в городской среде, можно фиксировать по-разному. Из всего множества вариантов описания этих событий мы выберем два для того, чтобы показать различия между **процессуальным** описанием реальности и любым другим (например, событийным или фактографическим).

Рассмотрим изменения, происходящие в одном из фрагментов городской среды (рядовом квартале), как *калейдоскоп фактов*, располагающихся во времени случайным образом. Варианты описания могут выглядеть следующим образом.

Вариант 1

На давно сложившейся улице, рядом со старыми пятиэтажными жилыми домами (или вместо них) появляются распластанные по земле, небольшие по высоте крупные торговые центры, а за ними, немного поодаль, фоном вырастают так называемые высотки.

Каждое обозначенное событие, наверняка, имеет свои причины, отделено от других по времени, но в этом описании наблюдатель не показал причинно-следственные связи, не вывел одно событие из другого, он просто указал на факты. Однако если мы те же самые факты разместим в определенном хронологическом порядке, то тогда все события окажутся встроенными в некое «рус-

ло», где всё происходящее не случайно, где последовательность событий подчинена некоторой логике, а сам «поток» имеет определенную направленность. Так, все перечисленные события можно описать иначе.

Вариант 2

Улица застраивалась пятиэтажками в то время, когда необходимо было решить главную задачу – обеспечить отдельной квартирой максимальное количество семей. Улицы застраивались сразу. Но людям, проживающим в них, необходимо было каждый день покупать продукты, часто или не очень ходить в кино, иногда пользоваться химчисткой, изредка посещать кафе. Поэтому все учреждения обслуживания размещались в первых этажах жилых зданий. Это обычный образ городской улицы 60-х гг. прошлого века. Но совмещенные с жильем учреждения обслуживания создавали неудобства и для жителей, и для работников учреждений, и даже для их посетителей. Поэтому стали создавать более вместительные и современно оборудованные центры обслуживания, стоящие отдельно. По мере появления новых строительных материалов появилась возможность уплотнения городской застройки за счет повышения этажности жилых домов. Поэтому на территориях, свободных или освобождающихся в результате сноса устаревших зданий, сооружаются жилые дома повышенной этажности, которые в первых двух-трех этажах обязательно имеют большой набор учреждений самого разного назначения.

Все описанные события укладываются в русло одного процесса, который в архитектурной практике называют реконструкцией *городского квартала*.

На этом примере показана возможность нового подхода к анализу материально-предметной среды города, которая, несомненно, оптимизировала жизнь города и горожан. Строго говоря, идеальных способов (или теорий) оптимизации среды не существует. Но сам по себе такой подход, опирающийся на динамическую оценку организации городской жизни, очень перспективен и практичен. Он называется *«процессуальным подходом»*.

1.2. Процесс как инструмент описания реальности

Если бы была возможность заглянуть в ежедневник горожанина и полистать его, то можно было бы отметить несколько позиций, которые связаны с его целевыми действиями в самых разных точках города. Если проложить на карте города маршруты всех его жителей, то получится очень плотное «кружево» из причудливо переплетающихся нитей разной толщины, накрывающих всю городскую территорию. А если отметить на той же карте адреса, куда люди устремляются, чтобы добиться своей цели, то можно увидеть россыпи разных по массе сгустков, собирающих разных людей, объединенных одной или похожими целями. И там, внутри этих сгустков, с человеком происходят изменения, которые социальные психологи называют социальными процессами.

Сам термин «процесс» по отношению к социокультурным явлениям становится часто употребляемым в дискуссиях и появляется в ряде теоретических сочинений, начиная с 40-х гг. XX века. Большой интерес представляет изданная в этот период книга известного социолога П. Сорокина «Социальная и культур-

ная динамика», где автор объяснил значение термина «процесс» и подробно описал его составляющие. Под процессом он понимал «любой вид движения, модификацию, преобразование, перестройку или „эволюцию“ – любое изменение логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов» [102, с. 80].

Несколько позже Лесли А. Уайт описал социально-культурный процесс как «поток взаимодействующих культурных элементов – инструментов, верований, обычаев и т. д. В этом процессе взаимодействия каждый элемент воздействует на другие, а те, в свою очередь, действуют на него. Это процесс состязательный: инструменты, обычаи и верования могут устареть и быть устранены из потока. Время от времени вводятся новые элементы. Постоянно образуются новые комбинации и синтезы – открытия и изобретения – культурных элементов...» [6].

В этом определении кроется важный для нас момент – каждое изменение явлений, свойств и отношений не происходит так, что сразу меняется весь объект, все его свойства или все отношения, а изменение всегда имеет количественную сторону и границу возможного изменения, за которой следует качественное преобразование самого объекта. «Действительно, – говорит В. И. Свидерский, – возьмем ли мы случай неорганической природы, область жизненных процессов, социальные явления или сферу познания – везде процесс идет таким образом, что элементы нового качества, постепенно нарастая и усиливаясь, подавляют элементы старого качества и приводят к изменению качественной природы явления. При этом изменение природы элементов данного явления сопровождается преобразованием и самой структуры, объединяющей элементы» [99, с. 94].

Таким образом, процессами принято называть последовательно разворачивающиеся *серии явлений, связанных причинными зависимостями*. Например, рост организма – это процесс, так как все последующие состояния организма определенным образом обусловлены предыдущими состояниями. В природе, как и в обществе, процессы никогда не выступают изолированно; мы специально обособляем их и рассматриваем по отдельности в целях анализа.

Процесс (лат. *processus* – прохождение, продвижение) – *закономерное, последовательное изменение объекта, его переход (или перевод) из одного состояния в другое*.

Изменения, происходящие с каким-либо объектом (человеком, группой людей, сооружением, ансамблем), могут быть поняты как процесс, если они:

- 1) разворачиваются во времени;
- 2) имеют направленность (вектор);
- 3) не меняют сущность (качественные свойства) целостного объекта;
- 4) имеют характерные признаки, которые позволяют отделить их от других изменений объекта;
- 5) причинно обусловлены – предшествующие явления влияют хотя бы частично на следующие за ними явления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru